

Ю.А. Демьянова*, В.Т. Абишева

Карагандинский университет имени академика Е.А. Букетова, Караганда, Казахстан
(E-mail: ydemyanova@list.ru, vera.abisheva@mail.ru)

Отражение действительности в устных рассказах о Великой Отечественной войне

В статье рассмотрены характерные особенности устного рассказа как популярного и востребованного способа передачи информации и знаний. Чем дальше от нас уходят события Великой Отечественной войны (ВОВ), тем больше возрастает интерес учёных, исследователей к рассказам активных её участников и очевидцев. Устные истории людей как метод и источник исследования способствуют дальнейшему расширению и углублению представлений, сформированных многими десятилетиями об этом жестоком времени, позволяют попытаться понять чувства, эмоции, мысли человека, оказавшегося в сложнейших условиях военной повседневности. Эмпирической базой научной работы послужили тексты устных рассказов, записанные в ходе бесед с ветеранами. Опираясь на документальные источники, устные формы воспоминаний фронтовиков, авторы стремились максимально правдиво передать достоверные рассказы участников ВОВ о военных годах. Проанализированы реальные традиционные истории, которые вызовут заинтересованность слушателя, читателя, телезрителя. По своим художественным особенностям устные рассказы представляют собой биографические рассказы-воспоминания (мемораты) реалистического содержания, иногда с элементами вымысла.

Ключевые слова: фольклор, несказочная проза, предание, устный рассказ, жанровая природа, мемораты, беседы с ветеранами.

Введение

В современном фольклоре, представляющем собой сложную систему различных жанров, устному рассказу принадлежит особое место. Традиционно именуемый устным сказом, этот жанр и в прежние эпохи воспринимался как повествование о чем-то примечательном в общественной или личной жизни, о памятном событии, способном привлечь внимание многих людей. Подобного рода рассказы — о том, как вступали в колхозы, восстанавливали и строили города, осваивали целину и т.д., — представляли собой «малую историю» страны, историю, сохранившуюся в памяти участников событий и оставившую след в частных судьбах конкретных людей.

К устным рассказам несказочной прозы, которая, как известно, обладает признаками объективности, правдивости изложения, фольклористы традиционно относят такие жанры, как предания, легенды, былички, бывальщины, сказы. При этом каждый из *жанров* имеет в распоряжении свой круг тем, сюжетов, располагает своей системой образов. Стержневая их функция, *которая* обеспечивает историческую преемственность и передачу социального опыта, — информативная: то есть имеет место обмен знаниями, впечатлениями, воспоминаниями, изложение поверий и т.д. Характеризуя несказочную прозу, практики подчёркивают тесную связь с вербальным, а также с ситуационными контекстами. Как правило, в речевом потоке отсутствуют зачины и концовки, нет жёстких требований к композиции и тематико-стилистическим канонам.

Этот жанр относится к наиболее многослойным, разнообразным по содержанию, сюжетам и степени художественности в области народного творчества. Устный рассказ представляет собой плод словесного искусства многих поколений. В то же время, в процессе исследования данного вопроса мы обнаружили, что, несмотря на популярность в народной среде, несомненную значимость в художественно-мировоззренческом аспекте, жанр несказочной прозы относится к мало изученным вопросам. Поэтому основной целью настоящей работы является внесение лепты в восполнение этого пробела в казахстанской филологической науке, выявление общего и особенного в системе жанров несказочной прозы на примере военных рассказов.

* Автор-корреспондент. E-mail: ydemyanova@list.ru

Материалы и методы исследования

На разных этапах исследования использовались методы сравнительно-типологического, концептуального, функционально-стилистического анализа рассказов по теме с элементами исторического, этнографического и культурологического анализа. При определении корпуса текстов используется метод сплошной выборки. Такой подход к проведению исследования способствует определению трёх основных сфер деятельности: когнитивно-функциональной, ценностно-смысловой и эмоционально-оценочной, которые взаимно обусловлены. Запись устных рассказов территориально ограничена Абайским районом Карагандинской области, расположенным примерно в 15–20 км от г. Караганды. Нам удалось побеседовать с почти шестьюдесятью участниками ВОв, проживающими в районном центре — г. Абае и близлежащих поселках: Топар, Южный, Вольный, Сарепта, Коксу, Карабас, Самарка. На основе биографий и рассказов участников войны была издана книга, посвященная Великой Победе советского народа над фашистской Германией.

Используя разные аспекты междисциплинарного подхода в методике работы с рассказчиками, нам удалось определить особенности индивидуального восприятия ими страшных событий, помочь непосредственным участникам и очевидцам передать события этой разрушительной войны на уровне микроистории. Данная методика в то же время позволила и самим людям, пережившим войну, с честью вышедшим из испытания войной, и их потомкам лучше понять и историю, и себя.

Результаты и их обсуждение

Исследование показало, что долгое время учёные не относили к фольклорным повествовательным жанрам устный рассказ о жизни обычного, рядового человека, его воспоминания о пережитом, о событиях и встречах, происшедших с ним или его близкими. Собиратели и исследователи фольклора изначально не проявляли интереса к традиционным русским устным сказам бытового содержания о жизни обыкновенного, простого человека, об историях, которые происходили либо с ним, либо с его родственниками или соседями, равно, как и европейские исследователи не уделяли должного внимания фабулатам и меморатам, считая, что они носят сугубо частный, местечковый, характер. Первоначально устные сказы — в русской традиции — не привлекали внимание в силу сюжетов частного, локального характера, ограниченной вариативности, а иногда и её полного отсутствия. В.Я. Пропп отмечал: «Строго говоря, сказы не обладают некоторыми признаками фольклора: они не создают общенародных, широко распространенных вариантов. Они рассказываются очевидцами, иногда пересказываются слушателями с отступлением деталей, но широкого народного хождения не получают. Дореволюционные фольклористы почти полностью игнорировали подобные рассказы. Но пренебрегать сказами никак нельзя. Не говоря уже о том, что многие из них обладают ценностью фактического материала (устные мемуары), многие из них обладают признаком художественности. <...> Принадлежат ли такие рассказы к фольклору в собственном смысле слова или нет, фольклорист обязан их изучать» [1; 52].

В результате такого недалёковидного подхода к исследованию фольклора сегодня наблюдаем невосполнимые потери фактического материала для научного анализа устного народного творчества, в частности, в области устного сказа. Так, например, в монографии исследователя казахской несказочной прозы С.А. Каскабасова жанр устного сказа не рассматривается, так как, по свидетельству автора, «образцы его специально не собирались казахскими фольклористами и для анализа нет достаточного материала» [2; 296].

В.Н. Морохин, говоря о сказах, справедливо отмечает, что «в современной науке о народном творчестве нет другого жанра, о котором бы так много спорили ученые» [3; 231].

На наш взгляд, интерес представляет не только оригинальный подход учёного к определению сказа, но и его тематическая классификация, содержащая четыре вида сказов: на темы истории; о трудовых буднях и быте населения в прошлом; героико-революционные; о событиях советской эпохи. Подчёркнём, что, акцентируя внимание на жанровых признаках сказа, учёный, в качестве некой первичной «заготовки» к традиционному сказу выделяет «еще очень слабо выраженный в художественном отношении» устный рассказ, который при определенных условиях может стать сказом [3; 243].

В связи с данной концепцией С.Н. Азбелев высказывает своё мнение: «Некоторые исследователи давно уже утверждали, что новый жанр прозаического фольклора не только возник, но и процветает — это жанр «сказов». Выяснилось, что эти исследователи по существу выдавали желаемое за дей-

ствительное. «Сказы» оказались преданиями, легендами, сказками, воспоминаниями, то есть жанрами, которые существуют уже много лет. Современные исследователи рабочего фольклора пока не привели данных, которые действительно бы свидетельствовали о возникновении новых жанров» [4; 126].

Многообразие жанров речевой культуры отмечал М.М. Бахтин: «В самом деле, к речевым жанрам мы должны отнести и короткие реплики бытового диалога ..., и бытовой рассказ, и письмо ..., и короткую стандартную военную команду, и развернутый и детализированный приказ, и довольно пестрый репертуар деловых документов ..., и разнообразный мир публицистических выступлений ...; но сюда же мы должны отнести и многообразные формы научных выступлений и все литературные жанры (от поговорки до многотомного романа)» [5; 237, 238].

В системе речевых жанров существует и жанр «воспоминание», который А. Вежицка охарактеризовала следующим образом: «Воспоминания — говорю то, что помню; говорю это, потому что хочу представить заново некоторые вещи, которые случились в моей жизни» [6].

Подчеркнём, что исследователи русского фольклора в конце столетия, записывая оригинальные устные воспоминания жителей разных регионов страны, стали употреблять специфические термины, которые имели некоторую разницу в значении, точнее, в смысловых оттенках. С этого времени в обиход этнографов вошли словосочетания: устный рассказ, рассказ о прошлом, автобиографический меморат [7]. Позже рассказ-воспоминание человека непосредственно о фактах его жизни, о событиях, в которых он действительно участвовал, получил название «меморат». Термин К. Сидова «Memorat», как известно, получил популярность в отечественной науке благодаря К.В. Чистову. К таким сказам относили и повседневные житейские сообщения, и оригинальные художественные рассказы. Фольклористы той эпохи предлагали не смешивать этот жанр с устным творчеством в исполнении квазимеморатов и фабулатов, повествование которых не было основано на личных воспоминаниях.

В.В. Радлов придерживался мысли о том, что только запись и исследование «живых» языковых особенностей в их тончайших диалектных нюансах и различиях могут создать полную картину о том, как развивается общенародный язык. Поэтому молодой ученый долгие годы сам изучал множество тюркских языков, особо обращал внимание на общение с простым народом — носителями языка и проводил многочисленные записи [8].

Местный фольклор всегда современен и актуален. Это подвижный и, безусловно, живой вид народного творчества, потому что он посвящен темам, имеющим общенародный характер. Жанровая традиция локального фольклора важна для понимания общенародной традиции, она способствует ее распространению и обогащению. В этой связи особую актуальность приобретают жанры фольклора, развивающиеся на стыке устного народного творчества и устной речевой культуры, в частности, устные рассказы, традиционно относимые к жанрам несказочной прозы.

Можно отметить в исследовании устных рассказов аксиологический подход, направленный на раскрытие глубинных смыслов. В.Е. Хализев выделяет ценности универсальные и локальные. Универсальные ценности — это те ценности, которые могут претендовать на статус общечеловеческих и общебытийных. Их автор предлагает называть онтологическими или высшими. Локальные ценности — «то, что дорого, насущно и свято для отдельных сообществ и людей» [9].

Говоря о фольклорном тексте, необходимо отметить, что современная текстология признаёт за «устным текстом» статус «текста» и определяет его как совокупность вариантов словесного воплощения того или иного фольклорного произведения. Это даёт право считать «фольклорный текст потенциальным носителем конкретных традиций и выразителем специфики раннего мышления» [10].

Наблюдения за развитием традиционности в пределах фольклорного цикла обнаруживает взаимовлияние составляющих его произведений. Это обусловлено тем, что исполнитель, пусть не всегда осознанно, руководствуется одним из важнейших фольклорных принципов сосуществования исполняемого произведения, способностью одних заимствовать компоненты других, то есть контаминироваться [11].

Проследим сохранение фольклорных признаков жанра на материале устных рассказов о войне, отражающих традицию локального фольклора.

Именно ветераны войны могли передать достоверные сведения о жизни и быте фронтовых будней, о печалях и редких радостных событиях. Как правило, о подвигах и героизме, о ситуациях, связанных с риском для жизни, настоящие, активные участники боевых сражений говорят мало, порой предпочитая юмор повествованиям о серьёзной опасности, о физических и нервных нагрузках, о контактах с противником.

Тематика современных устных рассказов создаёт в целом хронологическую историю Великой Отечественной войны. Она включает рассказы о том, как жили до войны, как услышали весть о войне, как уходили на войну отцы, старшие братья, как сам рассказчик был призван в ряды Советской Армии, какую подготовку прошел, как фашисты бомбили города и села; рассказы о боях, разведках, ранениях, лечении в госпиталях, освобождении Европы; рассказы о том, как узнали об окончании войны и Победе, рассказы о продолжении войны в Маньчжурии, о солдатской дружбе, послевоенной жизни и т.д.

Особый интерес вызывают так называемые случаи на войне, в которых героизм и юмор создают неповторимый военный колорит повествования. Так, В.М. Алексеев, 1921 г.р., рассказывает: «Ко мне подошла женщина и говорит, что у нее дома на кровати лежит бомба (?!). Когда пришли на квартиру, то убедились, что, действительно, на койке лежит бомба, которая пробила стену и по случайности не взорвалась. Минеры тихонько открутили взрыватель, вывезли бомбу в лес и там взорвали» [12; 20]. В результате, на первый взгляд, почти анекдотическая ситуация приобретает в устном рассказе о войне смысл счастливой случайности.

Из рассказа А.С. Сераковой, 1925 г.р., видно, что на войне грань между жизнью и смертью была чрезвычайно зыбкой, тем не менее, оставалось место юмору: «В разведку мы ходили с Катей, подружкой, разведывали, где фашистские танки находятся. Всё запоминали, на всё обращали внимание. Иногда нас останавливали фашисты, с презрением докладывали своему руководству: «Это подозреваемые походяки». Хотели сдать в комендатуру. Помню, как мы убежали в лес. Катя легла в колдобинку, глубокую выбоину, наполненную грязной водой, и кричит: «Аня, ложись! Прячься!» И я легла в колдобинку. Потом она достала лепешечку сыра, твердую, как камень, пошутила: «Вороне как-то бог послал кусочек сыра ...» [12; 135].

Военный быт, считавшийся по существу табуированной темой, также нашел отражение в устных рассказах участников войны. Фронтовик И.П. Бондарев, 1926 г.р., вспоминает: «Кухню привезли – вареную пшеницу. Ладно, привезли. А враг, как назло, знает свою территорию, взорвали кухню. Куда эта кухня девалась, мы её называли шрапнель (разваренная пшеница, еще называли кутьей). Она вся разлетелась по земле. Мы стали собирать, все грязное, не отмоешь уже. Мы за вещмешки, там и сахар, и корки хлеба. В пригоршню — и в рот, — и в бой» [12; 48].

Из воспоминаний Г.Т. Кочнева, 1927 г.р., воевавшего в Маньчжурии: «Как мы скучали по нашему хлебу, родному, душистому! Когда преодолевали монгольские степи, ели американские галеты» [12; 80].

Особые картины военного быта возникают в рассказах женщин-участниц ВОв. Так, В.А. Шумская, 1924 г.р., вспоминает: «И в казармах жили, и под деревьями приходилось ночевать. Встретим речонку — помоемся, постираем гимнастерку, юбочку, пилюточку. Руками разгладим. И дни рождения отмечали. Подарки: песни под гармонь, цветочки полевые, а письмецо-поздравление из дома — так сердце и защежит от радости» [12; 164].

Почти теми же словами рассказывает О.Д. Губенко, 1923 г.р., о встрече Нового года на войне: «На новогодний праздник, помню, затишье было, мы разрезали листы бумаги, а на них рисовали родной домик, обязательно с огоньком и дымком из трубы. Дарили рисунки друг другу и желали оставаться живыми. Вот еще вспомнила: подковы рисовали на счастье. Танцевали, пели, а щечки мы, девчонки, свёколкой подкрашивали, гимнастерочки, юбочки руками разглаживали» [12; 58].

Много незабываемых эпизодов из фронтовой жизни, о суровых военных буднях хранит память Ф.Е. Цыбульского, 1922 г.р., ветерана ВОв, словно для него в продолжают: «Война полыхала. Вокруг рвалось, стреляло, бомбило. В 1942 году на Брянском фронте 800-й стрелковый полк потеснил противник, пришлось отходить. На опушке леса я заметил разбитую повозку, убитых ездового и лошадь. Недалеко, в кустах, стонал боец, он был ранен в грудь и ногу и просил: «Застрелите меня, не хочу умирать от руки фашиста». Я, назвав его малодушным, сказал: «Будешь жить до ста лет», — и приказал ездовому, чтобы он нигде не останавливался, пока не встретит медсанчасть, где окажут воину помощь.

Когда я лежал в госпитале в городе Новозыбково с ранением в позвоночник, в один из дней в палату зашел человек, взял мою историю болезни и вышел. Меня отнесли в перевязочную, так как я был парализован. Кроме лечащего врача, я увидел незнакомца, взявшего мою карту болезни. Он стал задавать мне вопросы, стараясь что-то, как мне казалось, прояснить. И оказалось, что он — тот самый человек, которого я спас от смерти на опушке леса, отказавшись его пристрелить.

55-летний майор медсанчасти, главный хирург 2-го Белорусского фронта заплакал, показав шрамы на груди и изуродованную ногу. Вспомнил, что в тот день он попал под артобстрел, был ранен, а пристрелить просил потому, что немцы офицеров в плен не брали, а расстреливали на месте. Он просил разрешения называть меня своим сыном, так как был старше.

Ветеран с нескрываемой радостью, волнением вновь переживал 9 Мая 1945 года...

— И Победу в госпитале встретил, и судьбу свою, Клавочку Маслову, девушку-красавицу. Девчата помогали ухаживать за нами, ранеными, а по душе пришлась мне только одна. Полгода я провалялся на больничной койке, не отходила она от меня. Врачи возвращали к жизни лечением, а она своим душевным теплом.

Помню, как в 1945 году мы пришли в Дом бракосочетания расписаться, а она сразу: «Я Цыбульская Клавдия Яковлевна!».

Выходим из загса, а ее подружки смотрят на меня, сутулого, горбатого, хромого, удивляются: «Клава, кого же ты себе выбрала? Посмотри только на него». Ответил я девчатам: «Правильно выбрала!» [12;150].

Павел Семенович Петунин, ветеран Великой Отечественной войны, рассказывает: «В годы репрессий расстреляли отца. 10 марта 1942 года меня призвали в Армию, в 232-ую дивизию, 605-й стрелковый полк. 27 июня был первый бой в моей жизни, под Воронежем. А 15 августа нас погрузили в эшелон, мы прибыли в Сталинград, где шли жестокие бои.

Я помню клятву: «Клянемся драться с врагом за каждый вершок Сталинградской земли, не щадя жизни своей». 6 ноября 1942 года нас перебросили на Донской фронт, готовились к прорыву.

19 ноября пошли в наступление. Освобождали города Миллерово, Лисичанск, Старобельск, Изюм, а в конце октября 1943 года — Запорожье. В 1944 году не стало фашистов в Павлограде, Пятихатке, Кривом Роге, Николаевской, Херсонской, Одесской областях. С 10 апреля 1944 года наш батальон стали называть «одесским». Нам, связистам, приходилось много работать, с огромным напряжением.

Я помню все даты, числа, месяцы, годы каждого события. Это не просто хронологические цифры, за ними человеческие судьбы. 3 месяца продолжались бои за Будапешт, и долгожданная свобода пришла в города Капошвар, Секешфехервар. А в Австрии я встретил Победу! [13].

Записано со слов Дмитрия Петровича Орлова, 1925 г.р., ветерана ВОВ: «Вспоминать тяжело. Жили очень трудно. Дома мать блины пекла из отрубей, которыми свиней кормили. Страшная весть пришла в дом: в первый год войны погиб мой брат Виктор. В одночасье я повзрослел. Немец пришел, оккупировал весь район, нас, мальчишек, повезли на поезде в Шагарский район Новосибирской области, недалеко от города Томска. Многие пожелали работать на заводе, стеклодувами быть, бутылки выдувать. Я-то ведь колхозник, поэтому вместе с другом Онисимовым Александром направили в деревню Осинники. Возвращаться в свою деревеньку нельзя было, немцы ее оккупировали. Мы, эвакуированные, жили у колхозника Бульбицкого, все работы по хозяйству выполняли. Так и трудились мы до призыва в армию.

Затем отбирали в сержантскую школу, стал я сержантом. Во взводе было 38 человек, 6 месяцев обучал солдат.

Шел 1942-ой год. Попал на Первый Прибалтийский фронт, которым командовал маршал Баграмян. Шли бои. Артиллеристом я был, командиром артиллерийского расчета из семи человек. Помню, как стреляли по огненным позициям, дотам, дзотам, подбивали бронейными снарядами немецкие танки за 100 километров.

Дали мы врагу отпор. Немцы «крылышки» и опустили. Победу встретил в Прибалтике. Мы были уверены в ней, приближали ее каждый день, знали, что Гитлеру будет капут.

После победного мая в июле 1945 года с Прибалтики отправили меня в Монголию, из Монголии — в Маньчжурию. 12 часов ночи. Ночь была темная. Наш полк перешел границу Маньчжурии. Идут наши танки. Тишина. Преодолели Большой Хинган. Шли и шли вперед, туда, где расположена Квантунская армия. Был приказ: гнать японцев с Маньчжурии. И Советская Армия выгнала их [14].

Мы слышим устную речь, которая адресуется непосредственно собеседнику и рассчитана на слуховое восприятие. Эта речь чаще всего эмоционально окрашена, она передает разнообразные оттенки чувств, эмоций, настроений. Речь собеседников богата образами, оценочна. Характерно, что рассказчики в качестве вспомогательных средств передачи содержания в беседе активно используют жестикоуляцию и мимику, меняют интонацию в зависимости от темы. Непридуманные *истории* участников и очевидцев Великой Отечественной войны, наряду с песнями, частушками, легендами и

анекдотами, позволяют лучше передать потомкам одну из героических страниц в истории тогда ещё общей нашей страны, создать представления, которые становятся культурной, исторической памятью.

Заключение

Как видим, в воспоминаниях очевидцев и участников Великой Отечественной войны на первый план выходит субъективный опыт конкретного человека. Важным для слушателя, читателя, для потомков фронтовиков, на наш взгляд, является восприятие и понимание того, как ведут себя совершенно разные по возрасту, по образованию, по статусу люди в экстремальных условиях, как адаптируются к обстановке, как меняется их характер, что помогает им оставаться людьми в сложнейших условиях, бороться и побеждать. При этом интерес представляют не только восстанавливаемые в памяти события военного времени и появившиеся в тот период мысли и чувства, но и проблемы, связанные с влиянием войны на их судьбу. Характерно, что современные устные воспоминания о войне развивают преимущественно темы военного быта и счастливых случаев на войне.

Анализ показал, что степень художественности представленных в статье материалов, в силу информативности, ниже, чем у таких жанров, как айтыс, сказка, героический эпос. Порой рассказы о войне далеки от композиционной стройности, сбивчивы, построены как сочетание отдельных эпизодов. Воспоминания спонтанны, но, на наш взгляд, более независимы от внутренней цензуры, чем письменные.

В то же время произведения, объединённые в жанр несказочной прозы, как правило, отличаются достоверностью, искренностью. Притягательна сказовая манера речи, прежде всего доверительная интонация. Обращения к слушателю, разнообразные лексические средства, которые использует рассказчик, стремясь передать свои переживания, волнение при восстановлении в памяти событий, фактов, придают речи личную окраску. Причём, мы понимаем, что эти воспоминания о далёком прошлом, которые могут и сегодня держать слушателей в напряжении, не давая угаснуть их интересу, важны, прежде всего, для него самого.

В устных рассказах, записанных много лет спустя после Великой Отечественной войны, находим все признаки фольклорных произведений. В поствоенном фольклоре, как показало исследование, важно не только то, что рассказывается, но и как рассказывается, кем и для кого рассказывается. Работа с рассказами о войне важна, чтобы не допустить искажения истории, моральной деградации (при невозможности врагов победить народ силой) подрастающего поколения, забвения подвига наших воинов и тружеников тыла, чтобы страшная история не повторилась.

Список литературы

- 1 Пропп В.Я. Фольклор и действительность: сб.ст. / В.Я. Пропп. — 1976. — С. 52.
- 2 Азбелев С.Н. О подразделениях несказочной прозы / С.Н. Азбелев // Межвуз. науч. сб. «Фольклор народов РСФСР». — 1987. — С. 28–37.
- 3 Морохин В.Н. Прозаические жанры русского фольклора: хрест. / В.Н. Морохин. — М.: Высш. шк., 1983. — 303 с.
- 4 Азбелев С.Н. О жанровом составе прозаического фольклора русских рабочих / С.Н. Азбелев // Устная поэзия рабочих России: сб. ст. — 1965. — С. 124–128.
- 5 Бахтин М.М. Проблема речевых жанров: собр. соч. / М.М. Бахтин. — М.: Русские словари, 1996. — Т.5. — С. 159–206.
- 6 Матлин М.Г. Жанровое своеобразие устных рассказов о голоде 1941–1945 годов / М.Г. Матлин // Научный диалог. — 2018. — № 11. — С. 114.
- 7 Власова Г.И. Устные рассказы о войне [Электронный ресурс] / Г.И. Власова // Портал Qazaqstan tarihy. — Режим доступа: <https://e-history.kz/ru/e-resources/show/13083>.
- 8 Сайфулина Ф.С. Вклад В.В. Радлова и Н.Ф. Катанова в изучение фольклора сибирских татар / Ф.С. Сайфулина, Г.К. Абдирасилова, Ж.А. Рустемова // Вестн. Караганд. ун-та. Сер. Филология. — 2020. — № 1(97). — С. 92–99. DOI 10.31489/2020Ph1/92-99
- 9 Харитонова Л.М. Аксиологический подход в системе анализа литературного произведения / Л.М. Харитонова, К.П. Цой // Вестн. Караганд. ун-та. Сер. Филология. — 2019. — № 1(93). — С. 18–24.
- 10 Дьяков Д.В. Вопросы теории фольклорного цикла / Д.В. Дьяков // Вестн. Караганд. ун-та. Сер. Филология. — 2019. — № 3 (95). — С. 50–56.
- 11 Дьяков Д.В. Специфика контаминации и хронологии фольклорного цикла / Д.В. Дьяков // Вестн. Караганд. ун-та. Сер. Филология. — 2020. — № 1 (97). — С. 63–70. DOI 10.31489/2020Ph1/63-70

12 Ислямов И.И. Поклон вам, фронтовики: сб. рассказов о ветеранах ВОв Абайского района / И.И. Ислямов, Ю.А. Демьянова. — Караганда: Арко, 2010. — 168 с.

13 Записано со слов Петунина П.С., ветерана ВОв.

14 Записано со слов Орлова Д.П., ветерана ВОв.

Ю.А. Демьянова, В.Т. Абишева

Ұлы Отан соғысы туралы ауызша әңгімелердегі шындықтың көрінісі

Мақалада ауызша әңгіменің ақпарат пен білімді берудің танымал және сұранысқа ие әдісі ретіндегі сипаттамалары қарастырылған. Ұлы Отан соғысының (ҰОс) оқиғалары бізден қаншалықты алыстаған сайын, ғалымдар мен зерттеушілердің оның белсенді қатысушылары мен куәгерлерінің әңгімелеріне деген қызығушылығы артады. Зерттеудің әдісі мен дереккөзі ретінде адамдардың ауызша тарихы осы қатыгез уақыт туралы көптеген онжылдықтар бойы қалыптасқан идеялардың одан әрі кенейі мен терендеуіне ықпал етеді, әскери күнделікті өмірдің ең қиын жағдайларына тап болған адамның сезімдерін, эмоцияларын, ойларын түсінуге тырысады. Ардагерлермен әңгімелесу барысында жазылған ауызша әңгімелердің мәтіндері ғылыми жұмыстың эмпирикалық негізі болды. Құжаттық дереккөздерге, майдангерлердің естеліктерінің ауызша түрлеріне сүйене отырып, авторлар ҰОс қатысушыларының соғыс жылдары туралы шынайы әңгімелерін мүмкіндігінше шынайы жеткізуге тырысқан. Тындаушының, оқырманның, көрерменнің қызығушылығын тудыратын нақты дәстүрлі әңгімелер талданған. Ауызша әңгімелер өзінің көркемдік ерекшеліктеріне қарай реалистік мазмұндағы өмірбаяндық әңгіме-естелігі бар (естелік), кейде қиял элементі бар шығарма.

Кілт сөздер: фольклор, ертегі емес проза, аңыз, ауызша әңгіме, жанрдың табиғаты, меморатив, ардагерлермен әңгімелесу.

Yu.A. Demyanova, V.T. Abisheva

Reflection of reality in oral stories about the Great Patriotic War

The article discusses the characteristic features of oral storytelling as a popular way of transmitting information and knowledge. The further the events of the Great Patriotic War go away from us, the more the interest of scientists and researchers in the stories of its active participants and eyewitnesses increases. Oral histories of people as a method and source of research contribute to the further expansion and deepening of ideas formed over many decades about this cruel time, allow us to try to understand the feelings, emotions, thoughts of a person who finds himself in the most difficult conditions of military everyday life. The empirical basis of the scientific work was oral unpublished texts recorded during conversations with veterans. Relying on documentary sources, oral forms of memoirs of veterans, the authors strive to convey as truthfully as possible the authentic stories of GPW I participants about the war years. Real traditional stories are analyzed that will arouse the interest of the listener, reader, viewer. According to their artistic features, oral stories are biographical memoirs (memorials) of realistic content, sometimes with elements of fiction.

Keywords: folklore, non-narrative prose, legend, oral narrative, genre nature, memorials, conversations with veterans.

References

- 1 Propp, V.Ya. (1976). *Folklor i deistvitelnost [Folklore and reality]*. Moscow: Nauka [in Russian].
- 2 Azbelev, S.N. (1987). O podrazdeleniiakh nesказochnoi prozy [About the divisions of non-fabulous prose]. *Mezhvuzovskii nauchnyi sbornik «Folklor narodov RSFSR» — Interuniversity scientific collection. Folklore of the peoples of the RSFSR*, 28–37 [in Russian].
- 3 Morokhin, V.N. (1983). *Prozaicheskie zhanry russkogo folklora [Prose genres of Russian folklore]*. Moscow: Vysshaya shkola [in Russian].
- 4 Azbelev, S.N. (1965). O zhanrovom sostave prozaicheskogo folklorа russkikh rabochikh [On the genre composition of prose folklore of Russian workers]. *Ustnaia poeziia rabochikh Rossii — Oral poetry of the workers of Russia*, 124–128 [in Russian].
- 5 Bakhtin, M.M. (1996). *Problema rechevykh zhanrov [The problem of speech genres]* [in Russian].
- 6 Matlin, M.G. (2018). Zhanrovoe svoeobrazie ustnykh rasskazov o golode 1941–1945 godov [Genre originality of oral stories about the famine of 1941–1945]. *Nauchnyi dialog — Scientific dialogue*, 11, 114 [in Russian].

7 Vlasova, G.I. (2014). Ustnye rasskazy o voine [Oral stories about the war]. *Portal Qazaqstan tarihy — Portal of the History of Kazakhstan*. Retrieved from: <https://e-history.kz/ru/e-resources/show/13083> [in Russian].

8 Saifulina, F.S., Abdirasulova, G.K., & Rustemova, Zh.A. (2020). Vklad V.V. Radlova i N.F. Katanova v izuchenie folkloro sibirskikh tatar [Contribution of V.V. Radlov and N.F. Katanov to the study of the folklore of the Siberian Tatars]. *Vestnik Karagandinskogo universiteta. Seriya Filologiya — Bulletin of the Karaganda University. Philology Series*, 1(97), 92–99 DOI 10.31489/2020Ph1/92-99 [in Russian].

9 Kharitonova, L.M., & Tsoi, K.P. (2019). Aksiologicheskii podkhod v sisteme analiza literaturnogo proizvedeniia [Axiological approach in the system of literary work analysis]. *Vestnik Karagandinskogo universiteta. Seriya Filologiya — Bulletin of the Karaganda University. Philology Series*, 1(93), 18–24 [in Russian].

10 Diakov, D.V. (2019). Voprosy teorii folklornogo tsikla [Questions of the theory of the folklore cycle]. *Vestnik Karagandinskogo universiteta. Seriya Filologiya — Bulletin of the Karaganda University. Philology Series*, 3(95), 50–56 [in Russian].

11 Diakov, D.V. (2020). Spetsifika kontaminatsii i khronologii folklornogo tsikla [The specifics of contamination and chronology of the folklore cycle]. *Vestnik Karagandinskogo universiteta. Seriya Filologiya — Bulletin of the Karaganda University. Philology Series*, 1(97), 63–70. DOI 10.31489/2020Ph1/63–70 [in Russian].

12 Isliamov, I.I., & Demyanova, Yu.A. (2010). *Poklon vam, frontoviki [I bow to you, veterans]*. Karaganda: Arko [in Russian].

13 Zapisano so slov Petunina P.S., veterana VOv [Recorded from the words of P.S. Petunin, a veteran of the GPW] [in Russian].

14 Zapisano so slov Orlova D.P., veterana VOv [Recorded from the words of D.P. Orlov, a veteran of the GPW] [in Russian].